

УДК 94(47)(092)

DOI: 10.25206/2542-0488-2019-4-2-64-71

М. В. КРотова

Санкт-Петербургский государственный
экономический университет,
г. Санкт-Петербург

ИВАН АДРИАНОВИЧ МИХАЙЛОВ В ЭМИГРАЦИИ В ХАРБИНЕ

Статья посвящена неизвестным страницам жизни Ивана Адриановича Михайлова — министра финансов «омского» правительства — в период его эмиграции в Китае. В Харбине он провел 25 лет своей жизни, однако его деятельность в этот период практически неизвестна и окружена тайнами и слухами. Цель работы — на основе неопубликованных архивных документов попытаться приблизиться к пониманию этой загадочной личности, уточнить некоторые детали его биографии. Особый акцент сделан на его окружении в Харбине, связях с японцами, политических взглядах.

Ключевые слова: Гражданская война в Сибири, финансовая политика, Иван Адрианович Михайлов, эмиграция, Омск, Китай, Харбин, КВЖД.

Личность Ивана Адриановича Михайлова (1891–1946) — министра финансов «омского» правительства — вызывала сильные чувства у его современников, оставивших о нем яркие впечатления. Его имя вызывает интерес и у современных исследователей. Как правило, интерес этот связан с «омским периодом» его жизни. О. В. Будницкий в своей работе «Деньги русской эмиграции» назвал И. А. Михайлова «толковым исследователем» и отметил его организаторские способности [1, с. 32]. Он же указал, ссылаясь на воспоминания Г. К. Гинса, на «особенную даровитость» Михайлова, которая проявлялась в «различных интригах, плетении заговоров и, как будто, организации политических убийств», а также привел его прозвища — «Ванька-Каин» за якобы организацию убийства эсера А. Е. Новоселова, «сибирский Борджиа», «сибирский Маккиавелли» [1, с. 34]. М. В. Ходяков, анализируя формирование личности будущего министра финансов в правительстве А. В. Колчака, отмечал незаурядные способности Михайлова, проявленные им еще в период учебы в Санкт-Петербургском университете, его «целеустремленность и честолюбие» [2, с. 93, 95]. К анализу личности и деятельности Михайлова обращались петербургские и омские исследователи, указывая на разные обличья этого «самого молодого министра финансов в истории России», «серого кардинала омской политики» [3, 4].

Иван Адрианович Михайлов был тесно связан с Сибирью по месту рождения, Петербургом, где учился в университете и начал свою политическую карьеру, Омском, и, конечно, Харбином, где он провел 25 лет своей жизни. Однако в современных исследованиях, словарях и справочниках о жизни И. А. Михайлова в эмиграции практически ничего не говорится или даются разрозненные, зачастую противоречивые факты. Так, в известном биографическом словаре «С Колчаком — против Колчака»

в биографических сведениях о Михайлове приведены только несколько строк о его «харбинском» периоде: «Эмигрировал в Китай, где проживал в Харбине, служил в Правлении КВЖД (он служил в Управлении КВЖД. — М. К.). <...> В 1930-х гг. служил в японской военной миссии, был близок к российским фашистам» [5, с. 101]. В комментариях В. И. Шишкина к опубликованным документам Совета министров Российского правительства о Михайлове говорится: «В 1920 г. эмигрировал в Китай. <...> С 19 ноября 1921 до 3 октября 1924 г. служил начальником коммерческой части и заведующим экономическим бюро управления КВЖД. В 1945 г. был арестован в Маньчжурии управлением контрразведки СМЕРШ Приморского военного округа» [6, с. 56]. М. В. Ходяков в своей работе сообщал: «После краха Белого дела И. А. Михайлов жил в Харбине, некоторое время работал на КВЖД, позже оказался близок к русским фашистам» [2, с. 95].

В итоге возникает портрет талантливого интригана, «близкого к фашистам», продавшегося японцам. Однако личность И. А. Михайлова с трудом поддается анализу. Трудность состоит еще в том, что сам он практически не оставил каких-либо эго-документов — воспоминаний, писем, дневников; неизвестно, где находится его личный архив и сохранился ли он. В его биографии больше вопросов, чем ответов, — он не любил публичности, но без анализа жизни И. А. Михайлова в эмиграции невозможно составить представление об этом человеке. Можно попытаться реконструировать его биографию по редким документам из архивов, свидетельствам современников, анализу его работ и отдельных высказываний. В настоящей статье хотелось бы сообщить о некоторых архивных находках, которые позволят приблизиться к пониманию логики судьбы И. А. Михайлова.

В том, что этот человек был действительно талантлив, похоже, никто из исследователей не сомневается. М. В. Ходяков в своей статье приводит документы из личного дела студента Императорского университета И. А. Михайлова, хранящегося в ЦГИА СПб [2, с. 93–94]. Но в этом архиве находится еще одно дело — «Об оставлении при университете И. А. Михайлова», в котором содержатся любопытные сведения о периоде «приготовления к профессорскому званию по кафедре политической экономии и статистики» 1914–1917 гг., в том числе подробный отчет о его занятиях по программе, составленной проф. И. И. Чистяковым [7, л. 61–77], из которого можно составить представление о круге чтения И. А. Михайлова: он читал в подлиннике на французском и немецком языках работы Д. Юма, А. Тюрго, Э. Кондильяка, а также в переводе представителей классической школы — А. Смита, Т. Мальтуса, Д. Рикардо, Д. Милля, Ф. Нитти и проч. Также он был хорошо знаком и с работой К. Маркса «Капитал» в трех томах.

Здесь же находится секретное сообщение от прокурора Петроградской судебной палаты 29 ноября 1914 г., в котором ректора университета уведомляли, что «дознание о И. Михайлове по ч. 102 ст. Уголовного уложения постановлением Петроградского губернского совещания 27 октября 1914 г. прекращено» [7, л. 17]. Также в деле содержится документ об освобождении его от воинской повинности до 1 января 1919 г. в связи с подготовкой к профессорскому званию [7, л. 82]. Надо заметить, что неучастие И. А. Михайлова в Первой мировой войне было одной из причин неприязни к нему со стороны военной эмиграции в Маньчжурии, обвинений в отсутствии патриотизма.

Среди прочего в этом деле есть свидетельство о первом браке И. А. Михайлова — его прошение ректору о выдаче свидетельства о разрешении «вступить в первый брак с девицей Софьей Васильевной Лисенко 9 февраля 1916 г.» [7, л. 51]. Разрешение было дано, и брак, судя по всему, состоялся в 1916 г. Данные о Софье Васильевне Михайловой (урожденной Лисенко) обнаружились на сайте «Российские врачи в Китае», где дана краткая информация о ней: «родилась 7 февраля 1893 г. в г. Луков Седлецкой губернии. В 1911 г. окончила женскую гимназию М. Н. Стюниной в Петербурге. Прослушала и получила зачеты за 9 семестров в Женском медицинском институте в Петербурге. Зачеты за 10 семестр не получила и государственные экзамены не сдала из-за отъезда в Сибирь в 1918 г.» [8]. Она явно следовала за мужем, так как в 1918 г. работала на должности врача в Кунгурской земской больнице, в 1919 г. — фельдшерницей-акушеркой на Омской железной дороге, затем два месяца — врачом в Иркутской переселенческой больнице. В марте 1920 г. приехала в Харбин, работала в качестве помощника врача в городской больнице. В марте 1930 г. поступила на службу на КВЖД в качестве сестры милосердия в больницу на ст. Ханьдаохэцзы, в сентябре 1930 г. перешла на работу в хирургическое отделение Центральной больницы КВЖД, где самостоятельно вела лечение больных под общим наблюдением старшего врача, заведовала урологическим кабинетом, вела истории болезни, участвовала в операциях. Имела советский паспорт» [8]. Она работала сестрой милосердия до продажи КВЖД в 1935 г. — ее имя есть в списках граждан СССР, уволенных по Токийскому соглашению 1935 г., где также указан ее оклад — 41 руб.

в месяц [9, л. 240]. Однако в СССР Софья Васильевна не выехала, с 1936 г. работала в больнице памяти доктора В. А. Казем-Бека, в 1938 г. переехала в Тяньцзинь, в 1940-х гг. жила в Мукдене [8]. О второй жене Михайлова — Марии Александровне Гришиной-Алмазовой — известно гораздо больше благодаря изысканиям Д. И. Петина, А. С. Пученкова, М. М. Стельмака, А. В. Сушко [3, 4]. И. А. Михайлов увлекся ею еще в Омске, и, оказавшись в Харбине, они заключили брак, имели общего сына Георгия.

Восстановить биографию И. А. Михайлова в эмиграции по разрозненным документам чрезвычайно трудно, так как в харбинский период жизни он давал немного информационных поводов. В 1920-е гг. в Харбине находилось много «омичей». Так называли людей, работавших или бывших близкими к «омскому» правительству А. В. Колчака, среди которых были Г. К. Гинс, Н. С. Зефирин, Т. В. Бутов, В. И. Сурин, И. И. Сукин, П. В. Вологодский, Г. А. Богданов, С. В. Востротин, Л. А. Устругов, Н. В. Устрялов, Вс. Н. Иванов и др. Прибыв в 1920 г. в Харбин, Михайлов начал, как и многие «омичи», с сотрудничества в харбинских газетах. Первоначально это был «Русский голос» под редакцией С. В. Востротина, с июля 1920 г. — «Заря» под редакцией М. Лембича. Полковник И. С. Ильин упоминал в своем дневнике в начале июля 1920 г. что Михайлов живет «тихо и скрытно», нигде не бывает, и тут же заметил, что он «непревзойденный интриган, у него везде пущены щупальца» [10, л. 45, 47].

С первого появления в Харбине в 1920 г. и до ареста в 1945 г. Иван Адрианович был повсюду сопровождает князем Н. А. Ухтомским, о котором И. С. Ильин заметил в одной из своих записей: «Он необыкновенный пролаз, страшный угодник, очень какой-то гаденький, нехороший тип, этот Н. А. Ухтомский. Его статьи помещаются под заглавием "Наши беседы" и подписывается он Кнух. <...> Недаром он на побегушках у Михайлова и служит ему верой и правдой. Не понимаю, как таких можно брать в такую газету, как "Русский голос". В Иркутске Ухтомский чуть не застрелял и написал сейчас же покаянное письмо большевистскому комиссару, в котором он кается в своих грехах. Копию этого письма показывал мне Вс. Иванов» [10, л. 47].

С назначением нового Управляющего КВЖД Б. В. Остроумова И. А. Михайлов с 1921 г. начал работать в Коммерческой части Управления КВЖД и стал известен в эмиграции как заведующий Экономическим бюро при Управлении КВЖД для обследования Маньчжурии. Экономическое бюро стало заметным явлением, с 1923 г. выпускало «Экономический вестник Маньчжурии», который потом переродился в «Вестник Маньчжурии» — журнал, который объединил все научные силы эмиграции — экономистов, востоковедов, журналистов, ботаников, геологов. Он не потерял своей актуальности и до сих пор является одним из важных источников по изучению Северной Маньчжурии. Многие мемуаристы считали, что бюро было создано управляющим КВЖД Б. В. Остроумовым специально под И. А. Михайлова [11, л. 56]. Скорее всего, так оно и было, так как Б. В. Остроумов в 1926 г. указал, что И. А. Михайлов был организатором и руководителем Экономического бюро, созданного при КВЖД [12, с. 3].

В Экономическом бюро под началом И. А. Михайлова работали как раз «омичи»: Т. В. Бутов —

бывший управляющий делами омского правительства, В. Н. Касаткин — бывший начальник военных сообщений, Е. Е. Яшнов — бывший представитель омского правительства в Самаре, В. И. Сурин — бывший и.д. военного министра Омского правительства, Г. А. Богданов — бывший директор канцелярии совета министров, Н. С. Зефиров — бывший министр продовольствия Омского правительства, Н. К. Федосеев — бывший директор отдела колонизации министерства земледелия и др. В. А. Морозов в своих воспоминаниях писал, что еще в Омске вокруг Михайлова сформировалась группа сторонников — Т. В. Бутов, Д. И. Густов, Г. А. Богданов, И. В. Павлов [11, л. 56]. Каждый из этих людей заслуживает отдельного рассказа, но, к сожалению, рамки статьи не позволяют это сделать. Однако необходимо подчеркнуть, что практически все из них приняли (восстановили) советское гражданство в 1925 г. и продолжали поддерживать с Михайловым тесные отношения даже и после его увольнения 3 октября 1924 г. Управляющий КВЖД Б. В. Остроумов получил советское гражданство еще раньше, в начале 1924 г., и считался «лояльным» к СССР сотрудником [13, л. 8]. Показательно, что после подписания советско-китайских соглашений и т.н. «октябрьского переворота» 1924 г., когда весь высший состав КВЖД был заменен советскими представителями, после увольнения И. А. Михайлова исполняющим обязанности заведующего Экономическим бюро стал Г. Н. Дикий [14, л. 9], который был близок И. А. Михайлову еще с «омской» эпохи, его даже называли его другом и приятелем.

Между прочим, Григорий Никифорович Дикий (1889—1962) готовил будущего первого советского Управляющего дорогой коммуниста А. Н. Иванова к должности, а после 1924 г. стал ближайшим советником Управляющего КВЖД по экономическим вопросам и по тактике управления дорогой. По сообщениям его дочери, Григорий Никифорович оказался «в определенной связи с советской военной разведкой» [15, л. 9]. Также до конца 1930-х гг. близким к Михайлову человеком оставался Т. В. Бутов, бывший в Омске его помощником, которого эмигранты также подозревали в работе на советскую разведку [16, л. 43]. По информации польской разведки («Сведения о И. А. Михайлове 9 мая 1937 года»), Михайлов «вводил» на КВЖД всех своих сторонников по Уфимскому, Омскому правительству и сибиряков: «Зефиров, Бутов, Рагозин, Шишканов, Прович, Страгус, генерал Сурин, Ковыркин и др. — эти лица до сих пор играют крупную роль в Китае, связаны с СССР». Также было замечено, что с 1926 г. Михайлов вел «политику связи с СССР через своих однопартийцев и друзей, оставшихся на службе у большевиков» [17, л. 59—60]. Таким образом, связь с Экономическим бюро не прерывалась и даже после увольнения Михайлова, и он имел возможность влиять на политику уже просоветского Управления КВЖД.

Об аресте Михайлова китайской полицией 3 октября 1924 г. во время смены власти на КВЖД известно из воспоминаний, дневников, местной прессы. Было арестовано несколько человек — Б. В. Остроумов, начальник Земельного отдела Н. П. Гондати, бухгалтер М. И. Степунин и др. П. В. Вологодский в своем дневнике в записи от 5 октября 1924 г. упоминает, что, когда 3 октября 1924 г. арестовали Остроумова и других высших агентов, полицейские чины разыскивали И. А. Михайлова, но нигде не могли его найти (потом оказа-

лось, он скрывался в японском консульстве). Тогда домашнему аресту подвергли его жену, и Михайлов сам в 11½ часов вечера явился в полицейский участок и был арестован, а затем отправлен в тюрьму [18, с. 458]. В квартирах Остроумова, Михайлова и других арестованных были произведены обыски и выемки переписки. Сейчас известно, что аресты были произведены под давлением советской стороны. Арестованным были предъявлены обвинения в злоупотреблениях и нанесении вреда русскому государству [18, с. 480]. Л. М. Карахан требовал выдачи арестованных СССР, но китайская сторона отказалась.

Надо заметить, что Михайлов прекрасно держался. Аресты высших агентов КВЖД переположили Харбин, в местной прессе постоянно печатались отчеты о состоянии заключенных. Газета «Новости жизни» в номере от 10 октября 1924 г. сообщила о первом свидании Михайлова с женой: «При свидании, которое продолжалось 30 минут, присутствовали начальник и инспектор тюрьмы и драгоман прокурорского надзора У. Согласно правилам, супруги не могли касаться вопросов, имеющих отношение к судебному делу. Беседа, главным образом, шла о ребенке. Г-жа Михайлова жаловалась, что не может найти дешевую, подходящую квартиру. И. А. Михайлов настроен весьма бодро и даже весело и сообщил супруге, что кормят в тюрьме превосходно. <...> Тем не менее г-жа Михайлова получила разрешение главного прокурора доставлять мужу ежедневно в тюрьму горячую пищу» [19, с. 2].

Арестованные (их называли «железнодорожные узники») были переданы китайскому суду, отчеты из зала суда постоянно появлялись в харбинских газетах, но дело разваливалось из-за отсутствия доказательств, и через несколько месяцев, в сентябре 1925 г., было прекращено, а подсудимые были отпущены по амнистии. Замечательно, что, находясь в заключении, «в условиях сосредоточенности и изолированности», Остроумов и Михайлов подготовили брошюру «Возрождение России», по которой можно судить о политических взглядах Михайлова, точнее, о его желании быть в стороне от всякой политики [12]. Книга «Возрождение России» вышла в Харбине в 1926 г. под именем Остроумова, хотя в предисловии тот благодарил Михайлова за помощь: Михайлов подготовил 10 диаграмм для приложения, в которых провел параллели между Россией в 1913 г. и СССР в 1925 г. (состояние народного хозяйства, народный доход, оборот торговли и банков, госбюджет, денежную систему, чистый доход и сбережения стран). Несомненно, что Михайлов был соавтором этой книги Остроумова о «восстановлении экономики России» после тяжелых лет войны, революции и «финансово-экономической разрухи после социалистического эксперимента» [12, с. 4], и в ней он высказал свои основные мысли и идеи. В книге дан план «устройства России» в ближайшие 50—60 лет, а «может, и столетие», чтобы «все части громадного экономического организма ... были пропорциональны и так сцеплялись одна с другой, как зубчатые колеса хорошо сконструированной машины, или как все органы отправления в здоровом, живом организме» [12, с. 9].

Отдельные страницы этой небольшой брошюры актуальны и сегодня. В основу развития России, по мысли Остроумова и Михайлова, должны были быть поставлены не политические соображения, а экономические. Они считали, что революция в России была платой за «презрение к пониманию

важности экономического устройства страны». Также авторы указывали на необходимость ставить перед страной масштабные задачи, ведь «стремиться к большему — почти всегда значит и достичь большего». В книге фактически была сформулирована национальная идея: «Мы желаем, чтобы в России все ее граждане пользовались не меньшей суммой жизненных благ, чем та, которой пользуются граждане самых процветающих стран» [12, с. 10]. В брошюре на основании диаграмм Михайлова приведены конкретные предложения по развитию России, как в краткосрочной, так и долгосрочной перспективе: максимальное развитие сельского хозяйства и добывающей промышленности, чтобы «дать благоденствие самой стране, а избытки предоставить мировому потреблению», рациональное развитие обрабатывающей промышленности, банковской системы и инфраструктуры (транспорт, почта и телефон), тщательное составление расходного бюджета, накопление денежных ресурсов и т.п. Единственным политическим высказыванием в книге был следующий пассаж: «Россия обязана ... пересмотреть договоры с соседями, нельзя дарить бесплатно им без должной обоюдной выгоды те или иные права, концессии и даже русскую собственность, как это делается Советской властью ради нереальных политических лозунгов» [12, с. 18]. Однако именно эта партийная линия через несколько лет возобладала в сталинском руководстве.

По сути, мысли Остроумова и Михайлова были близки к сменовеховским, однако, как это часто бывает, несомненные таланты этих людей оказались невостребованными Советской властью, которая грубо оттолкнула их от себя: после освобождения из-под ареста Б. В. Остроумов перешел на работу к китайцам, И. А. Михайлов — к японцам. Б. В. Остроумов служил советником Мукденского правительства по железнодорожным вопросам, а Михайлов не без помощи Остроумова стал консультантом и советником по экономическим делам ЮМЖД. В. А. Морозов в своих воспоминаниях писал также о том, что Михайлов после ареста и освобождения открыл транспортную контору под фирмой «Чан-чупсы» (в названии возможна ошибка памяти мемуариста. — М. К.), которая существовала несколько лет, но потом обанкротилась. «Одно время его таскали по судам, но в тюрьму не посадили, и дом свой он сохранил» [11, л. 56]. Жил Михайлов в Модягоу, районе Харбина, который называли «Царским Селом».

В политической жизни эмиграции Михайлов практически не участвовал, не входя ни в какие организации и объединения. О. В. Будницкий в своей работе указал, что «политические убеждения Михайлова были неясны даже людям, достаточно близко его знавшим» [1, с. 33], с ним соглашались другие исследователи. Сам И. А. Михайлов в анкете БРЭМ указал, что ни в каких политических организациях «не состоял и не состою» [20, л. 2]. Однако, по информации агентов БРЭМа (впрочем, ничем не подтвержденной), Михайлов с 1908 г. был эсером и «до сего времени состоит в числе членов социал-революционной партии. Состоит аккредитованным от СР в партии Крестьянской и объединённом Комитете Левых Русских Партий» [20, л. 3].

Тем не менее негласно Михайлов был одной из влиятельных фигур русской эмиграции. В сопроводительном письме от зам. председателя ОГПУ С. А. Мессинга Л. М. Карахану от 30 января 1930 г. был дан список «белогвардейцев» в Маньчжу-

рии (167 человек), в числе которых под номером 62 был и И. А. Михайлов, которому была дана следующая характеристика: «Михайлов Иван Адрианович, псевдоним Глубов (Михайлов писал под именем Глебов. — М. К.) — ответственный сотрудник «Зари». Все передовые статьи идут за его подписью. Бывший министр финансов у Колчака. Ныне японский агент. Крупный идеолог белого движения» [21, л. 6].

О связях И. А. Михайлова с японцами упоминают многие мемуаристы и исследователи. В. А. Морозов в своих воспоминаниях говорил о том, что Михайлов «у японцев возглавлял какую-то осведомительную контору. Работа числилась секретной, но о ней знал весь Харбин. Один из его ближайших сотрудников по этой работе князь Ухтомский, человек, в сущности, недалекий, очень болтливый и много пьющий, даже бравировал этой работой» [11, л. 56]. О работе Михайлова на японцев говорили многие бывшие «квждинцы», вернувшиеся в СССР в середине 1930-х гг. Так, Иван Отодрак, бывший офицер, драгоман на КВЖД, завербованный советской разведкой, сообщал на одном из допросов в 1937 г. в Москве, что И. А. Михайлов «все время был связан с японцами, японским консульством, где в 1923 г. (на самом деле 1924 г. — М. К.) скрывался от ареста китайскими властями»: «С приходом японцев в Маньчжурию открыто укрепил связь с ними, всюду и везде ими принимался. Считаю, что Михайлов еще задолго до 1923 г. поддерживал связь с японскими разведывательными органами, с оккупацией Маньчжурии предложил им свои услуги по экономическому обследованию Маньчжурии» [22, л. 16]. Возможно, что эти показания, к которым нужно относиться с осторожностью, сыграли свою роль во время следствия и суда 1946 г.

Сотрудник Экономического бюро Е. Е. Яшнов в письме Г. Н. Дикому от 2 сентября 1931 г. (скорее всего, ошибка, по смыслу 2 ноября. — М. К.) сообщал об общих знакомых, в том числе о И. А. Михайлове: «С завтрашнего дня в Харбине начинает выходить большая японская газета на русском языке. Во главе как будто И. А. Михайлов, чуть-чуть совершенно не потонувший под тяжестью долгов и теперь хватающийся за это не слишком почетное предложение. <...> Эта газета уже почти месяц выходит в виде листка телеграмм и постоянно полна выпадами против советской стороны» [23, л. 1]. Действительно, Михайлов, до этого активно печатавшийся в «Заре», перешел в газету «Харбинское время» — ежедневную газету на русском языке, которую начали выпускать японцы в ноябре 1931 г. В письме Г. Н. Дикому 12 января 1932 г. Н. В. Устрялов сообщал о «Харбинском времени»: «Под редакцией И. А. Михайлова выходит японская газета на русском языке, "Харбинское время", гнусною наглостью тона смущающая и многих японцев. Ведется она недурно в смысле внешней хлесткости и своими антикитайскими разоблачениями привлекает симпатии русского обывателя, натерпевшегося от китайской администрации, полиции, солдат и проч. Михайлов и Вс. Иванов ругают в ней китайцев с той же безбрежной рьяностью, с какой они их превозносили в 29 году, и заявляют себя японскими патриотами самой взыскательной марки. Конечно, газета — резко антисоветская» [24, л. 2]. Надо сказать, что Устрялов, недолюбливавший Михайлова, все-таки ценил его способности. В своей записке Генеральному консулу СССР в Харбине М. М. Сла-

вущему от 12 апреля 1934 г. Устрялов выделил И. А. Михайлова среди других «вождей» эмиграции, сообщив, что он «крупнее других», однако добавил, что «его беспринципный, нечистоплотный в самом элементарном смысле слова авантюризм оказался чрезмерным даже для видевшей на этот счет виды эмиграции, и он не пользуется в ее среде авторитетом, но японцы прислушиваются к нему больше, чем к другим» [25, л. 98].

В окружении Михайлова находились осведомители советской разведки. В сводке ПП ОГПУ ДВК от 27 сентября 1932 г. сообщалось: «Один из крупных японских агентов сотрудник "Харбинского времени" Иван Адрианович Михайлов ("Ванька-Каин"), сподвижник Колчака, а затем инженера Остроумова, в одной из бесед с друзьями поделился следующими имеющимися у него данными и соображениями о планах японцев в отношении наступления на Приморье и Забайкалье». Далее был приведен точный анализ, данный Михайловым, о расстановке сил на Дальнем Востоке, противоречиях внутри японского руководства по вопросу «опасности с севера», которыми, без сомнения, воспользовались советские спецслужбы [26, с. 356–361]. В другом донесении ПП ОГПУ ДВК от 11 июля 1934 г. И. А. Михайлов упоминался как работающий в японской военной миссии вместе с А. И. Коробовым, Гриневским [26, с. 648].

Отношение к Михайлову в среде эмиграции в Харбине было негативным не только из-за его прошлого «омского» министра и связей с японцами, но и, не в последнюю очередь, из-за антисемитизма эмиграции — Михайлова считали евреем (его мать Г. Н. Добрускина была еврейкой, принявшей православие [1, с. 32]), и масоном. По информации агентов БРЭМа, он «ещё студентом вошёл в Санкт-Петербурге в масонскую ложу "Пальмира" и сейчас состоит в числе очень немногих русских в числе членов русской секции масонской ложи Храма Соломона» [20, л. 3]. В отчете польской разведки говорилось, что Михайлов в 1924 году с Остроумовым вошел в «масонскую шанхайскую ложу шотландского толка» [17, л. 60].

Больше всего эмиграцию раздражала неопределенность политического лица Михайлова, его необычайная гибкость. В его личном деле БРЭМа указывалось: «Михайлов Иван Адрианович ... человек большого ума, но ... большой прохвост. Патриотизма в нашем понимании у Михайлова не существует. <...> Карьера и личное благополучие на первом плане: в средствах для достижения личных выгод неразборчив» [20, л. 3]. Ильин называл его «подлецом», хотя и очень способным человеком, «быстро схватывающим», «прекрасным докладчиком»: «Он способен, что называется, высосать из пальца что угодно!» [27, л. 30]. Как-то, встретив И. А. Михайлова на улице и поговорив с ним, Ильин оставил в дневнике запись от 9 июля 1938 г., полную раздражения: «Я смотрел на этого подлеца и думал: сразу устроился в военной миссии (где хорошо платят). Прежде продавал оптом и в розницу сначала Колчака, потом всю экономику КВЖД, когда при Остроумове ведал Экономическим бюро, тогда он поддерживал самую тесную связь с ЮМЖД и ее главой Фурусавой, был в фаворе у японцев (при аресте Остроумова и Гондатти бежал в японское консульство, где просидел сутки, после чего японцы "посоветовали" ему отдаться в руки властей, обещая помощь). Японцам очень импонирует, что это бывший министр Омского правительства» [27, л. 30].

Многие пытались угадать, что стоит за сложной игрой Михайлова, «на кого» он, в конце концов, работает. В сведениях польской разведки о Михайлове сообщалось: «С 1931 года ведет темную игру между японцами, левыми сепаратистскими партиями, сибиряками-областниками, Крестьянской партией и эсерами против Семенова и БРЭМа. Находится в оппозиции Семенову, объединяет эту оппозицию, но нигде не проявляет себя открыто, причем не порывает связи с Бутовым (его креатура), Зефириным, Суриным, Шишкановым и др., держит связь с КП и ЦК партии эсеров в Праге и Париже. Человек редко одаренный, быстро схватывающий все на лету, легко ориентирующийся в самой сложной обстановке. Самый грандиозный интриган на Дальнем Востоке, умеющий невероятно тонко прямо и косвенно сталкивать чужие интересы и сорить людей, оставаясь сам в стороне, и, благодаря этому, никогда не был прямо обвинен в интригах и провокациях и этим самым сохранял на всякий случай связи с только что спровоцированными людьми и организациями» [17, л. 61].

Надо заметить, что, по агентурным сведениям, круг знакомств Михайлова был чрезвычайно обширным, в нем находились люди самых разных политических ориентаций и направлений, среди которых было много «лиц, неблагонадежных в политическом отношении» [20, л. 3]. Польская агентура сообщала: «С Михайловым сотрудничает С. А. Демешко — сотрудник газеты "Возрождение" в Париже, И. Т. Щелоков — русский коммерсант, кн. Ухтомский — сотрудник "Нашего пути", В. В. Голицын — редактор "Нашего пути" и Бутов — русский коммерсант» [17, л. 61]. Агенты из БРЭМа добавляли, что, по сообщению чехословацкого консула Гейны, Михайлов давал ему «ценные сведения по экономическому положению Маньчжоу-Ди-Го» [20, л. 3]. В то же время считалось, что Михайлов состоит в какой-то связи с советским консульством в Харбине: «Утверждают, что бывший сотрудник Остроумова Михайлов — большой друг Гончарского» [20, л. 3]. Надо сказать, что Гончарский был секретарем Генконсульства СССР в Харбине с 1935 г., и, по сообщением эмигрантов, был «важным лицом», офицером Красной Армии, окончившим академию Генштаба.

По сообщениям другого агента БРЭМ, Михайлов поддерживал тесный контакт с известным монархическим лидером, присяжным поверенным В. Ф. Ивановым: «Три раза в неделю встречи в ресторане. Цель: интриги против руководства Главного бюро (БРЭМ. — М. К.). Выдвинуть на руководящие позиции Шепунова. Столкнуть инженера Матковского и Кислицина, Матковского и Гордеева. <...> Эта сложная интрига ... вполне отвечает всем ранее проводимым интригам Михайлова, начиная с Уфы. <...> Пр. пов. Иванов играет здесь роль оформителя идеи и популяризатора среди своих сторонников» [20, л. 8–10]. Надо отметить способность И. А. Михайлова работать с самыми разными людьми: дело в том, что Василий Федорович Иванов — присяжный поверенный, общественный деятель, идеолог монархизма — был известен в Харбине своими антисемитскими и антимасонскими изданиями [28].

Многие исследователи приписывали Михайлову принадлежность к фашистской партии или работе с фашистами, между тем трудно представить себе, что Михайлов мог поддерживать фашистскую идеологию, которая во главу угла ставила антисемитизм.

Польская агентура прямо писала о нем: «враг фашистов, но поддерживает их через своих агентов, чтобы дискредитировать Семенова и БРЭМ» [17, л. 61]. Возможно, сыграла свою роль близость к Михайлову князя Н. А. Ухтомского, которого считали немецким агентом — осведомителем (по данным польской разведки от 30 ноября 1937 г., Ухтомский «был агентом, много лет оказывал услуги Германскому консульству» [17, л. 50]), а также тесные отношения Михайлова с журналистами из профашистской газеты «Наш путь».

Остается много вопросов о том, как был арестован Михайлов в 1945 г. и вывезен в СССР, почему он не выехал вместе с другими деятелями на юг Китая в конце советско-японской войны в поезде, предоставленном японцами. На судебном заседании 30 августа 1946 г., когда подсудимые ожидали вынесения приговора, его последнее слово было самым коротким: «Глубоко сознавая свою вину перед русским народом, я покорно ожидаю решение суда. Моего защитника (Его и Н. А. Ухтомского защищал Н. Т. Сидоренко. — М. К.) прошу принять от меня сердечную благодарность» [29, с. 72]. Морозов в своих воспоминаниях, написанных уже в 1960-х гг., еще раз возвращаясь к событиям 1945–1946 г., усомнился в объективности семеновского процесса в Москве и считал, что и Япония, и СССР переоценивали силы эмиграции и что русская эмиграция в Маньчжурии не могла являться серьезной угрозой для СССР. В отношении Михайлова он заметил: «Естественно, отношение эмиграции к нему было настороженным, но надо отметить, что Иван Адрианович никому и никакой пакости не сделал и не дал сделать тому же Ухтомскому» [11, л. 56]. Показательно, что Морозов запомнилась какая-то устойчивость и жизнерадостность И. А. Михайлова, его молодость. В своих воспоминаниях, говоря о внешности Михайлова, он заметил: «Мал ростом, но "в теле", средней комплекции. Интересное лицо — тонкие черты, хороший цвет лица, красивые глаза. В чертах лица и некоторых манерах было что-то нерусское и довольно явно еврейское (из-за матери)» [11, л. 56]. И. С. Ильин при встрече в 1938 г. с Михайловым записал в дневнике: «Невысокий — располневший, все с таким же молодым, почти мальчишеским лицом» [27, л. 28].

Образ И. А. Михайлова неоднозначен, «ускользает» от исследователей. Попытка привести его к какому-то одному знаменателю представляется неубедительной. В его биографии больше вопросов, чем ответов — он сам поддерживал имидж человека-загадки. Это сложный многозначный персонаж, которого нельзя описать в дихотомических категориях черного и белого. При попытке реконструировать его образ, опираясь на косвенные источники, необходимо помнить об их определенной направленности и субъективности, а также об историческом контексте — оценивать деятельность Михайлова в эмиграции можно только применительно к ситуации в Маньчжурии. Тем важнее попытаться найти нужный «ключ» к пониманию его личности. Несомненно, он был одним из талантливых и способных людей своего времени, и его судьба может быть примером того, что случается с политиками, оказавшимися не у дел. Он оказался ненужным ни новой Советской России, ни русской эмиграции — не вписываясь в идеологические и политические конструкты, являясь раздражающим фактором для той и другой стороны. Нет никаких сомнений, что стереотипные представления о личности

Михайлова устоялись и поколебать их при отсутствии новых источников невозможно. Тем не менее необходимо хотя бы поставить вопросы о поиске новых документов и подходов, продолжить исследование межвоенного эмигрантского периода в Маньчжурии для составления объективной оценки этого, безусловно, яркого политического деятеля.

Библиографический список

1. Будницкий О. В. Деньги русской эмиграции: Колчаковское золото. 1918–1957. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 512 с. ISBN 978-5-86793-639-6.
2. Ходяков М. В. Иван Адрианович Михайлов: студенческие годы будущего министра финансов в правительстве А. В. Колчака // Клио. 2013. № 10 (82). С. 92–95.
3. Пученков А. С., Сушко А. В., Петин Д. И. «Всем говорить, что мое путешествие очень опасное...»: письма генерала А. Н. Гришина-Алмазова его супруге (осень 1918 г.) // Новейшая история России. 2018. Т. 8, № 4. С. 1058–1073. DOI: 10.21638/11701/spbu24.2018.419.
4. Петин Д. И., Стельмак М. М. «Колчак и Пепеляев в тюрьме»: воспоминания М. А. Гришиной-Алмазовой // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2019. Т. 4, № 1. С. 38–44. DOI: 10.25206/2542-0488-2019-4-1-38-44.
5. С Колчаком — против Колчака: краткий биографический словарь, краткий указатель учреждений и организаций, краткий указатель литературы по истории Гражданской войны в Сибири / Сост. и науч. ред. А. В. Квакин. М.: Аграф, 2007. 448 с. ISBN 978-57784-0360-4.
6. Совет министров Российского правительства: журналы заседаний (18 ноября 1918 — 3 января 1920 г.). Сборник документов. В 2 т. / Сост. и науч. ред. В. И. Шишкин. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2016. Т. 1. 748 с.
7. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Ф. 14. Оп. 1. Д. 10864.
8. Михайлова Софья Васильевна // Российские врачи в Китае. URL: https://sites.google.com/site/russemdecinsenchine/home/lists_a_z/m/mikhailova (дата обращения: 12.01.2018).
9. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 323. Оп. 10. Д. 191.
10. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-6599. Оп. 1. Д. 8.
11. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 1337. Оп. 5. Д. 10.
12. Остроумов Б. В. Возрождение России. Харбин: Изд-во Заря, 1926. 65 с.
13. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 31. Д. 17.
14. РГИА. Ф. 323. Оп. 9. Д. 3515.
15. РГАЛИ. Ф. 2871. Оп. 3. Д. 533.
16. Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 6384.
17. Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 308. Оп. 3. Д. 456.
18. Вологодский П. В. Во власти и в изгнании: Дневник премьер-министра антибольшевистских правительств и эмигранта в Китае (1918–1925) / Сост., предисл. и коммент. Д. Г. Вульфа, Н. С. Ларькова, С. М. Ляндерса. Рязань, 2006. 619 с.
19. Участь Остроумова, Гондатти и др. // Новости жизни (Харбин). 1924. 10 октября.
20. ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 30107.
21. Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф. 08. Оп. 13. П. 104. Д. 101.
22. ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 2. Д. 28086.
23. РГАЛИ. Ф. 2871. Оп. 3. Д. 534.
24. РГАЛИ. Ф. 2871. Оп. 3. Д. 529.
25. АВП РФ. Ф. 0100 «б». Оп. 5. П. 106. Д. 27.

26. Русская военная эмиграция 20-х — 40-х годов XX века. Документы и материалы. В 10 т. Т. 8. Противостояние 1927—1941 гг. / Сост. В. А. Авдеев [и др.]. М., 2016. 975 с. ISBN 978-5-7681-1125-0.

27. ГАРФ. Ф. Р-6599. Оп. 1. Д. 13.

28. Кротова М. В. В. Ф. Иванов — идеолог монархического движения в Харбине, певец Великой России // Нансенские чтения — 2016. СПб.: Северная звезда, 2018. С. 104—116.

29. Семеновский судебный процесс / Публ. подгот. С. В. Онегина // Кентавр. 1994. № 1. С. 61—75.

КРОТОВА Мария Владимировна, доктор исторических наук, доцент (Россия), профессор кафедры

международных отношений, медиалогии, политологии и истории.

SPIN-код: 3221-2527

Адрес для переписки: mary_krot@mail.ru

Для цитирования

Кротова М. В. Иван Адрианович Михайлов в эмиграции в Харбине // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2019. Т. 4, № 2. С. 64—71. DOI: 10.25206/2542-0488-2019-4-2-64-71.

Статья поступила в редакцию 10.03.2019 г.

© М. В. Кротова

UDC 94(47)(092)

DOI: 10.25206/2542-0488-2019-4-2-64-71

M. V. KROTOVA

Saint Petersburg State
University of Economics,
Saint Petersburg, Russia

IVAN ADRIANOVICH MIKHAILOV IN EMIGRATION IN HARBIN

The article is devoted to the unknown pages of the life of Ivan Adrianovich Mikhailov, the Minister of Finance of the Omsk government, during his emigration to China. In Harbin, he spent 25 years of his life, but his activities during this period are almost unknown and surrounded by secrets and rumors. The purpose of the work is to try to get closer to the understanding of this mysterious person on the basis of unpublished archival documents and to clarify some details of his biography. Particular emphasis is placed on his close environment in Harbin, relations with the Japanese, his political views.

Keywords: Civil war in Siberia, financial policy, Ivan Adrianovich Mikhailov, emigration, Omsk, China, Harbin, CER.

References

1. Budnitskiy O. V. Den'gi russkoy emigratsii: Kolchakovskoye zoloto. 1918—1957. [The money of the Russian emigration: Kolchak's gold. 1918—1957]. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye Publ., 2008. 512 p. (In Russ.). ISBN 978-5-86793-639-6. (In Russ.).

2. Khodyakov M. V. Ivan Adrianovich Mikhaylov: studencheskiye gody budushchego ministra finansov v pravitel'stve A. V. Kolchaka [Ivan Mikhailov: The Origins of the political career of the future Minister of Finance in the government of A. V. Kolchak] // Klio. Klio. 2013. Vol. 10 (82). P. 92—95. (In Russ.).

3. Puchenkov A. S., Sushko A. V., Petin D. I. «Vsem govornite, chto moye puteshestviye ochen' opasnoye...»: pis'ma generala A. N. Grishina-Almazova ego supruge (osen' 1918 g.) [«Say Everyone That My Journey is Very Dangerous...»: Letters of General A. N. Grishin-Almazov to his Wife (Autumn 1918)] // Noveyshaya istoriya Rossii. Modern History of Russia. 2018. Vol. 8, no. 4. P. 1058—1073. DOI: 10.21638/11701/spbu24.2018.419. (In Russ.).

4. Petin D. I., Stelmak M. M. «Kolchak i Pepelyayev v tyur'me»: vospominaniya M. A. Grishinoy-Almazovoy [«Kolchak and Pepeliaev in prison»: memories of M. A. Grishina-Almazova] // Omskiy nauchnyy vestnik. Ser. Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost'. Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History.

Modernity. 2019. Vol. 4, no. 1. P. 38—44. DOI: 10.25206/2542-0488-2019-4-1-38-44. (In Russ.).

5. S Kolchakom — protiv Kolchaka: kratkiy biograficheskiy slovar', kratkiy ukazatel' uchrezhdeniy i organizatsiy, kratkiy ukazatel' literatury po istorii Grazhdanskoj vojny v Sibiri [With Kolchak — against Kolchak: a brief biographical dictionary, a brief index of institutions and organizations, a brief index of literature on the history of the Civil war in Siberia] / Comp. and Ed. A. V. Kvakina. Moscow: Agraf Publ., 2007. 448 p. ISBN 978-57784-0360-4. (In Russ.).

6. Sovet ministrov Rossiyskogo pravitel'stva: zhurnaly zasedaniy (18 noyabrya 1918—3 yanvarya 1920 g.). Sbornik dokumentov. V 2 t. [Council of Ministers of the Russian government: meeting logs (November 18, 1918—January 3, 1920). Collection of documents] / Comp. and Ed. V. I. Shishkin. Novosibirsk: SB RAS Publ., 2016. Vol. 1. 748 p. (In Russ.).

7. Tsentral'nyy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv Sankt-Peterburga (TSGIA SPb.) [Central State Historical Archive of St. Petersburg (CSHA SPb.)]. File: 14/1/10864. (In Russ.).

8. Mikhaylova Sof'ya Vasil'yevna [Mikhailova Sofya Vasilievna] // Rossiyskiye vrachi v Kitaye. Rossiyskiye vrachi v Kitaye. URL: https://sites.google.com/site/rusmedecinsenchine/home/lists_a_z/m/mikhailova (accessed: 12.01.2018). (In Russ.).

9. Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv (RGIA) [Russian State Historical Archive (RSHA)]. File: 323/10/191. (In Russ.).

10. Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii (GARF) [State Archive of the Russian Federation (SARF)]. File: P-6599/1/8. (In Russ.).
11. Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv literatury i iskusstva (RGALI) [Russian State Archive of Literature and Art (RSALA)]. File: 1337/5/10. (In Russ.).
12. Ostroumov B. V. Vozrozhdeniye Rossii [Revival of Russia]. Harbin: Zarya Publ., 1926. 65 p. (In Russ.).
13. Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv sotsial'no-politicheskoy istorii (RGASPI) [Russian State Archive of Social and Political History (RSASPH)]. File: 17/31/17. (In Russ.).
14. RGIA [RSHA]. File: 323/9/3515. (In Russ.).
15. RGALI [RSALA]. File: 2871/3/533 (In Russ.).
16. Gosudarstvennyy arkhiv Khabarovskogo kraia (GAKHK) [State Archive of Khabarovsk Region (SAKR)]. File: P-830/3/6384. (In Russ.).
17. Rossiyskiy gosudarstvennyy voyenny arkhiv (RGVA) [Russian State Military Archive (RSMA)]. File: 308/3/456. (In Russ.).
18. Vologodskiy P. V. Vo vlasti i v izgnanii: Dnevnik prem'yera ministra antibol'shevistskikh pravitel'stv i emigranta v Kitaye (1918–1925) [In power and in exile: Diary of the Prime Minister of anti-Bolshevik governments and emigrant in China (1918–1925)] / Comp. D. G. Vul'f, N. S. Lar'kov, S. M. Lyanders. Ryazan, 2006. 619 p. (In Russ.).
19. Uchast' Ostroumova, Gondatti i dr. [Fate Ostroumova, Gondatti etc.] // Novosti zhizni (Harbin). *Novosti Zhizni (Harbin)*. 1924. 10 October. (In Russ.).
20. GAKHK [SAKR]. File: P-830/3/30107. (In Russ.).
21. Arkhiv vneshney politiki Rossiyskoy Federatsii (AVPRF) [Archive of foreign policy of the Russian Federation (AFPRF)]. File: 08/13/104/101. (In Russ.).
22. GARF [SARF]. File: 10035/2/28086. (In Russ.).
23. RGALI [RSALA]. File: 2871/3/534. (In Russ.).
24. RGALI [RSALA]. File: 2871/3/529. (In Russ.).
25. AVPRF [AFPRF]. File: 0100 «b»/5/106/27. (In Russ.).
26. Russkaya voyennaya emigratsiya 20-kh – 40-kh godov XX veka. Dokumenty i materialy. V 10 t. T. 8. Protivostoyaniye 1927–1941 gg. [Russian military emigration 20's–40's of XX century. Documents and materials. In 10 vols. Vol. 8. Opposition 1927–1941] / Comp. V. A. Avdeyev [et al.]. Moscow, 2016. 975 p. ISBN 978-5-7681-1125-0. (In Russ.).
27. GARF [SARF]. File: P-6599/1/13. (In Russ.).
28. Krotova M. V. V. F. Ivanov — ideolog monarkhicheskogo dvizheniya v Kharbine, pevets Velikoy Rossii [V. F. Ivanov — ideologist of the monarchist movement in Harbin, singer of great Russia] // Nansenovskiye chteniya — 2016. *Nansenovskiye chteniya — 2016*. St. Petersburg: Severnaya zvezda Publ., 2018. P. 104–116. (In Russ.).
29. Semenovskiy sudebnyy protsess [Semenovsky trial] // Kentavr. *Kentavr*. 1994. No. 1. P. 61–75. (In Russ.).

KROTOVA Mariya Vladimirovna, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of International Relations, Medialogy, Political Science and History Department.

SPIN-code: 3221-2527

Address for correspondence: mary_krot@mail.ru

For citation

Krotova M. V. Ivan Adrianovich Mikhailov in emigration in Harbin // Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity. 2019. Vol. 4, no. 2. P. 64–71. DOI: 10.25206/2542-0488-2019-4-2-64-71.

Received 10 March 2019.

© M. V. Krotova